

СУМСКАЯ А. С.
Уральский федеральный университет

К ПРОБЛЕМЕ «ПОТЕРЯННЫХ» МЕДИАПОКОЛЕНИЙ

Аннотация: В работе на междисциплинарной основе обобщены результаты исследований по выявлению отечественных «потерянных» поколений. Теоретическая рефлексия и эмпирические данные формирующего опыта российских «цифровых» медиапоколений показали существенную значимость непрерывного интерактивного медиапотока как фактора поколенческой энтелехии. Ограничение в доступе к информационным ресурсам и коммуникационным технологиям может способствовать появлению нового вида цифрового разрыва, влияющего на осложнение внутр поколенческой и межпоколенческой медиакommunikации в условиях стресс-событий, привести к появлению первого отечественного «потерянного» медиапоколения.

Ключевые слова: медиапоколение, цифровой разрыв, исследование медиа, формативные годы, «потерянное поколение».

SUMSKAYA A. S.

TO THE PROBLEM OF «LOST» MEDIA GENERATIONS

Abstract: The paper summarizes the results of research on identifying the causes of Russian “lost” generations on an interdisciplinary basis. Theoretical reflection and empirical data of formative experience of Russian “digital” media generations showed significant importance for them of continuous non-linear interactive media stream as a factor of generational entelechy. Restricted access to information resources and communication technologies may contribute to the emergence of a new kind of digital divide, affecting the complication of intragenerational and intergenerational media communication under stressful events, leading to the emergence of the first Russian “lost” media generation.

Keywords: mediageneration, digital divide, media study, formative years, «lost generation».

Цифровизация, вызванная повсеместным проникновением интернета в жизнь россиян, изменила подход к поколенческой медиакommunikации. Формирование поколенческих паттернов происходит в подростковые и юношеские годы (согласно гипотезе впечатлительных лет) под влиянием медиа, поскольку, по данным исследований средства массовой коммуникации, являются одним из ведущих институтов социализации еще с 50-х гг. XX в. В эпоху цифровизации становление поколений реализуется в ситуации мощного влияния интернета и цифровых медиа. В 2020 г. проникновение интернета в России среди молодого населения (до 44 лет) превысило 90%, а среди россиян 12-24 лет приблизилось к 100%. Для российских «цифровых аборигенов» медиажизнь в непрерывном цифровом потоке стала естественной практикой. Основу поколенческого габитуса

составляют не только ценности персонализации и самореализации, но и медиадеятельности в цифровой среде.

Изучение медиапоколений с позиции антропологического подхода позволяет обратить внимание на человекоцентрированные ценности, влияющие на поколенческое самоосуществление, проживание своей судьбы [1, с. 54]. Антропологический подход помогает не только определить в контексте генеалогии поколение как «однокровных» людей, но и рассмотреть феномен «потерянного поколения».

Литературоведческий термин «потерянное поколение» введен в оборот Г. Стайн и осмыслен американскими и европейскими писателями, пережившими в юные годы шоковый опыт Первой мировой войны. «Потерянное поколение» маркируется глубокой духовной и моральной травмой в результате тяжелейших испытаний, к которым участники военных событий не были подготовлены. Результатом рефлексии последствий Первой мировой войны в научном дискурсе стал всемирно известный трактат «Проблема поколений», написанный в 1928 г. австрийско-немецким социологом К. Манхеймом. Он убежден, что «первые впечатления» и освоенный опыт в ранней юности становится самым устойчивым, стремится стабилизироваться и сохраняться в течение жизни как естественное видение мира, отражая «стратифицированное сознание» поколения [3, с. 179].

Проблема «потерянных поколений» изучалась отечественными учеными, причем исследователи выделяли «потерянность» (не как состояние, а как свойство) и на основе масштабных травмирующих изменений, приведших к кардинальной смене жизненного пути их представителей, и посредством выделения одного или нескольких наиболее значимых критериев, повлиявших на судьбу поколений. В частности, известны результаты исследований В. В. Семенович о «потерянном поколении» периода Октябрьской революции. Ю. А. Левада относит к «потерянному» поколению Холодной войны. М. А. Анипкин называет поколением «потерянных» и «лишних людей» тех, чей формативный период пришелся самый поздний советский период. И. Г. Шестакова идентифицирует как «потерянное» первое несоветское поколение, обосновывая реализацией системы образования, несоответствующей запросам времени.

В ходе собственного эмпирического исследования на основе глубинных интервью с представителями российских «цифровых» медиапоколений получены подтверждения теоретических выводов о востребованности «цифровыми аборигенами» непрерывного интерактивного сетевого медийно-информационного потока. Их уход от традиционных СМИ аналогового периода в цифровое медиaprостранство вполне соотносится с суждениями М. Маклюэна, который доказывает, что «новое средство коммуникации никогда не бывает добавлением к старому и никогда не оставляет старое в покое. Оно не перестает подавлять старые средства коммуникации до тех пор, пока не найдет им новое положение и не облечет их в новые формы» [2, с. 197].

Одной из характеристик российских «цифровых аборигенов» в процессе медиапотребления является установка не на запреты и ограничения, а то, что можно делать и какой вариант из веера возможных выбрать в качестве ориентира.

В этой связи нынешние ограничения в медиапользовании, включающие блокировку доступа к ряду социальных сетей, закрытие некоторых цифровых СМИ в результате недружественной медийной реакции на проведение специальной военной операции России на Украине, в буквальном смысле оказывают травмирующее действие на медиажизнь «цифровых аборигенов», привыкших к целостности и непрерывности информационного потока в медиасреде. Кроме того, молодые российские «цифровые аборигены», безусловно, обращают внимание на высокую токсичность информационного поля. Специфика познавательной деятельности самого юного российского «цифрового» медиапоколения не позволяет в полной мере логически осмыслить и рефлексировать события, тем более еще и потому, что они социализируются в тесной связи с западными сверстниками в едином цифровом медиапространстве.

На основе теории цифрового разрыва, который определяется как большая разница в возможностях между потребителями, которые используют компьютер и интернет, и теми, кто не могут это сделать в силу обстоятельств, в настоящие дни мы можем констатировать новый способ проявления цифрового неравенства [4]. Ситуация показывает уникальное, но негативно усиливающее сочетание факторов, поскольку при высоком компетентностном уровне взаимодействия в цифровой медиасреде представители поколения ощущают уязвимость и «потерянность» в результате ограничения доступа к некоторым социальным медиа, что приводит к неравенству шансов их социального продвижения. Если после завершения специальной военной операции блокировка медиа сохранится, то важно будет компенсировать сузившиеся возможности поколенческой мобильной медиакommunikации и создать альтернативные равнозначные цифровые медиасреды. Это не только сохранит право «цифровых» медиапоколений на личный суверенитет, но и минимизирует формирующийся ценностный раскол, будет способствовать самоактуализации и самореализации, проживанию своей судьбы в понятной для них устойчивой и непрерывной цифровой медиасреде.

Литература

1. Изотова Е. И., Голубева Н. А. Феномен межпоколенной трансмиссии в социокультурном и информационном пространствах современности / Е. И. Изотова, Н. А. Голубева, О. В. Гребенникова // Мир психологии. – 2017. – № 1. – С. 51-63.
2. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М.: Жуковский: «Канон-Песс-Ц, «Кучково поле», 2003.
3. Mannheim K. The Sociological Problem of Generations Essays in the Sociology of Knowledge / K. Mannheim. – London: Routledge & Kegan Paul, 1952. – P. 163-195.
4. Ragnedda M. The third digital divide. A Weberian approach to digital inequalities / M. Ragnedda. – Milton Park, Abingdon, Oxford shire: Routledge. 2017.